
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ИМПЕРИИ К 200-летию со дня рождения выдающегося писателя Алексея Константиновича Толстого (1817—1875)

«...В прошлом, в старой литературе,— слащавые, лубочные сочинения Загоскина, Масальского, Лажечникова, А. К. Толстого, Всеволода Соловьева и еще кое-что, столь же малоценное и малоисторическое. В настоящем — превосходный роман А. Н. Толстого «Петр I...». Нечего сказать, отличное начало юбилейной публикации! Но я намеренно привел цитату из статьи «О литературе», принадлежащей перу А. М. Горького, чтобы продемонстрировать тот «классовый» подход, коим рекомендовано было во время оно и специалистам, и читателям руководствоваться при изучении и оценке русской литературы XIX века. Отличнейшая, надо вам сказать, метода,— начни ей пользоваться, и можно «заколотить в небытие» кого вашей душеньке угодно. Тем паче потенциального, но явного «белогвардейца», согласно классификации академика М. Н. Покровского. И хорошо, если масштаб личности художника и значение его творческого наследия не позволяют этого сотворить ни при каких обстоятельствах. Жизнь и творчество графа Алексея Константиновича Толстого, слава Создателю, как раз тот случай. Что ни говори, как ни суди, но «Средь шумного бала...» или «Колокольчики мои» пели, поют и петь будут. Такого уже более чем достаточно, чтобы занять вполне достойное место в отечественной литературе. Но у А. К. Толстого все гораздо глобальнее и весомее.

200-летний юбилей писателя — вежа значительная, монументальная, но именно поэтому мне очень не хотелось бы производить на свет очередную громоздкую «статеищу», с мучительно подробным изложением биографии и библиографии юбиляра, с пугающим читателя своей навязчивостью «анализом» его творений, с пространными казенными умозаключениями о чем бы то ни было, и прочая, и прочая. И сама личность А. К. Толстого едва ли, на мой взгляд, к подобному располагает. Художник с живым и богатейшим воображением, ироничного и весьма изящного мышления, создававший яркие, внятные, очень душевные и очень русские произведения, достоин большего, нежели обычное «статистическое» восхваление и классифицирование. Да и вообще, вся эта классификация, с определением «значимости» и весомости творчества способна нанести непоправимый вред как отдельно взятому литератору, так и литературе в целом. Не спорт, знаете ли... Конечно, считалось, что графов Толстых в русской литературе даже многовато, и уж конечно во времена известные не было принято особенно упоминать Алексея Константиновича, тем паче приближенного государя — императора Александра II и автора вполне «верноподданнического» романа «Князь Серебряный», эпитафией к коему вполне можно было бы поставить известную фразу «Честно служи, ни о чем не тужи». Конечно, была книга Дмитрия Жукова, были критические и литературоведческие исследования, но... Впрочем, обо всем этом чуть позже. Хочется лишь заметить, что без элементов анализа творчества А. К. Толстого, конечно же, не обойдется, однако же под иным, чем обычно, углом зрения. Поговорить, кстати, тоже придется. Так что если не на «статеищу», то уж на

довольно объемную статью себя сподвигнуть необходимо, слегка «растекшись мыслею по древу».

Итак, перед нами «родовитейший имперский аристократ», по отцовской линии старший, на одиннадцать лет ранее появившийся на свет, хоть и троюродный, брат Льва Николаевича Толстого, с девяти лет товарищ цесаревича Александра, будущего государя — императора, по детским играм, и в дальнейшем очень близкий монарху человек, сохранивший с ним теплые отношения, литератор, чьи первые стихотворные опыты одобрили Жуковский и Пушкин, а дебют в прозе — сам Белинский, смолоду светский повеса и проказник, создатель, совместно с трио своих двоюродных опять-таки братьев Жемчужниковых, почти легендарного образа Козьмы Пруткова, дотянувшего худо-бедно до наших дней, консерватор самых передовых взглядов, мастер исторической, с философским подтекстом, прозы, человек глубоко русский, истинный патриот своей родины, глубоко волнующийся за ее судьбу, за судьбу народа и самодержавия...

Заслужить, лишь вступив на литературное поприще, одобрение Виссариона Григорьевича Белинского, мало сказать, что дорогого стоит. Тем паче, что великий русский критик разглядел и по достоинству оценил дарование начинающего автора уже после публикации «готической» повести «Упырь», а я не склонен думать, что В.Г. Белинский вообще сей жанр почитал сколь-нибудь важным. И тем не менее вот, извольте: «... несмотря на внешность изобретения, уже самая многосложность и запутанность его («Упыря» — прим. В. Т.) обнаруживают в авторе силу фантазии; а мастерское изложение, умение сделать из своих лиц что-то вроде Характеров, способность схватить дух страны и времени, к которым относится событие, прекрасный язык, иногда похожий даже на «слог», словом — во всем отпечаток руки твердой, литературной,— все это заставляет надеяться ожидать в будущем многого от автора «Упыря». В ком есть талант, в том жизнь и наука сделают свое дело, а в авторе «Упыря» — повторяем — есть решительное дарование». Все правильно, так оно и выходило с самого начала. Волею судьбы воспитанием будущего писателя с младых лет занимался его дядя по материнской линии Алексей Алексеевич Перовский, снискавший себе известность на ниве беллетристики под псевдонимом Антоний Погорельский (кстати, ставший впоследствии прототипом Пьера Безухова в «Войне и мире»). Дядя всячески поощрял «художественные склонности» племянника и специально для него сочинил известную сказку «Черная курица, или Подземные жители». А еще были поездки в Германию и знакомство и И. В. Гете, далее вояж по Италии, в которую юный Алеша Толстой, по его же признанию, влюбился всей душой и навсегда. Словом, молодой граф мог быть светским повесой, но, получив отличное домашнее образование, недорослем вырасти никак не мог, сдав со временем экзамен в Московском университете и определившись на службу сначала по линии иностранных дел, а затем в императорской канцелярии. Забавы забавами, а дело делом. Все правильно.

Впрочем, в 40-е годы А. К. Толстой мог, так сказать, «и служить, и не служить», т. е. более числясь на должности, нежели действительно исполняя чиновничьи обязанности, и даже вполне успешно двигаясь по карьерной лестнице, заниматься тем, что душе угодно. Материально молодой граф был вполне обеспечен (А. А. Перовский, ушедший из жизни в 1836 г., оставил ему весьма крупное наследство), поэтому и время проводил «мешая дело с бездельем». Да, и такое бывало, господа мои, ну, не бедствовал человек, и все тут. Не «сгорал от чахотки», например, не служил за копейки... Что поделаешь?! Но тем ценнее тот факт, что именно в это время, распрощавшись со всей этой «готикой», с «Семьей вурдалаков», с «Упырем», молодой писатель напряженно искал свой путь в литературе, этот поиск не оставлял его даже на фоне светских проказ, сходявших графу с рук чаще всего благодаря заступничеству цесаревича Александра Николаевича. Именно тогда Алексей Константинович пробует себя жанре поэзии, создавая ряд выдающихся баллад и лирических стихов, в частно-

сти поистине бессмертные «Колокольчики мои...» и «Василий Шибанов», где очень лаконично, ярко и даже как — то неотвратимо раскрыта тема верности присяге и родине. Именно тогда задумывается молодым аристократом роман «Князь Серебряный», и вообще, на мой взгляд, происходит выбор литературного стиля, характерного для А. К. Толстого впоследствии, а также основного тематического направления в творчестве, что в совокупности я рискнул бы назвать историческим. Кстати, вы давненько «Василия Шибанова» или «Князя Михайло Репнина» перечитывали? То-то и оно. А ведь от этих баллад прямой путь к «Князю Серебряному» и к трилогии о последних Рюриковичах и узурпаторе престола Борисе Годунове. И совершенно неважно, что из «Современника», где публиковался А. К. Толстой в начале 50-х, он уходит в «Русскую беседу», «Русский вестник» и «Вестник Европы». Дело даже не в конкретном журнале. Дело в самой теме, художника интересует не просто проблема кризисов монархии, уже не раз случавшихся на Руси, но поведение истинного патриота в такие периоды, его отношение к гибнущей власти, его поведение во времена острейших коллизий, происходящих с властными институтами и державой. Пусть эти вопросы не ставятся в прямую, но, обыгранные художественно, они становятся еще более актуальными. Верность избранной теме Алексей Константинович сохраняет до последних дней своей жизни. Так или иначе, но он будет грезить проблемой идеального государственного устройства, острым чутьем художника предвидя будущие потрясения, грозящие монархии и России неисчислимыми бедами. Опять же, все сие происходило не лапидарно и безапелляционно, напротив, художника никогда не покидала надежда на лучшее, да и молодость по-прежнему брала свое. И потом, долго ли, коротко ли, но пришло время Козьмы Пруtkова, созданного Толстым совместно с тремя своими двоюродными братьями Жемчужниковыми: Алексеем, Александром и Владимиром.

Впервые А. К. Толстой читает стихи и главы из романа «Князь Серебряный» в 1850 г. в доме Калужского губернатора, в присутствии Н. В. Гоголя. В жизни обретающего творческую силу литератора начинается очень плодотворный период, когда его дарование раскрылось наиболее полно и разнопланово. Да и вообще жизнь А. К. Толстого с началом 50-х существенно разнообразилась, если можно так выразиться. Послепремьерный запрет к показу пьесы «Фантазия» (тоже, кстати, связанной с Козьмой Пруtkовым), со скандалом прошедшей в Александринском театре Санкт-Петербурга) был компенсирован знакомством с будущей супругой, Софьей Андреевной Миллер (урожденной Бахметьевой), чему и посвящается знаменитое стихотворение «Средь шумного бала...», впоследствии ставшее прекрасным романсом на музыку П. И. Чайковского, далее, через год, граф Толстой, «используя служебное положение», успешно хлопочет о смягчении участи И. С. Тургенева, пострадавшего за статью памяти Н. В. Гоголя, и в этом же году происходит знакомство с Л. Н. Толстым. Наконец-то публикуются стихотворения, в том числе «Колокольчики мои...», и начинают выходить творения Козьмы Пруtkова. Образ самовлюбленного, весьма умственно и нравственно ограниченного бюрократа, обладающего непомерным самомнением и чудовищным апломбом, созданный уже упоминавшимся творческим квартетом, был естественной реакцией нового поколения дворян на всегда присутствующую в любом обществе косность мышления, нравственную неразбериху, неприятие прогрессивных тенденций общественного развития, да и попросту хамство, слишком гибкую совесть и приспособленчество всех мастей. Конечно, сатирические стихи, афоризмы, эпиграммы нельзя отнести к проявлению явной фронды, знатым и вполне благополучным молодым дворянам, слава Богу, это и на ум не приходило (довольно нам монстров, подобных кровавой и патологической Софье Перовской), но общественный резонанс «творчество» Козьмы Пруtkова, объявившего о своей литературной и вообще мыслительной состоятельности и действующего поэтому безапелляционно и хамовато, безусловно имели определенный успех в среде интеллигенции. Хоть переоценивать значение сего «предприятия», по

моему мнению, вовсе не следует. Да и авторы, со временем, переросли сам проект, конечно же, оставив его в наследство благодарному потомству: я помню, как в семидесятые годы прошлого века афоризмы Прутковки вновь стали востребованы в советской интеллектуальной среде и некоторое время имели весьма широкое хождение. История все-таки имеет свойство не просто повторяться, а неожиданно вновь актуализироваться в отдельных явлениях и событиях.

Камер-юнкер, церемонимейстер, вполне успешный придворный, сердечный товарищ государя, казалось бы, зачем графу Толстому участие в Крымской войне? Но очевидно, что Алексей Константинович реализует избранный им принцип исторического романтизма не только в литературном творчестве, но и в жизни, при любом удобном случае. Причем, следует учесть, что это не блажь и не взбрык скучающего аристократа, просто честному человеку, трепетно и святолюбящему Отчество, кем бы он ни был, невозможно сидеть сложа руки в лихую для родной земли годину. Организовать добровольное ополчение не получилось и граф Толстой поступает «охотником» в «императорской фамилии стрелковый полк». До фронта полку добраться не удается, в зиму 1855—56 годов, по прибытии в Одессу, личный состав полка «выкашивается» тифом, и Алексей Константинович тоже находится практически при смерти. Ухаживать за ним приезжает Софья Андреевна, еще не ставшая, в силу жизненных обстоятельств, его супругой, а государю Александру Николаевичу ежедневно шлюет телеграммы о здоровье «старого друга». В данном поступке графа Толстого ни намек на позу, вся история очень хорошо соотносится с тем же романом «Князь Серебряный», с концепцией бескорыстного и беззаветного служения Богу, царю и Отечеству для гражданина, а для дворянина в особенности. Конечно, государь-император не мог не оценить героических усилий своего приближенного, и после официальной своей коронации назначил его флигель-адъютантом с чином подполковника.

Примечательно, что после кончины матери и еще одного дяди — Василия Алексеевича Перовского, в 1857 г., Алексей Константинович приглашает на похороны своего отца, графа Константина Петровича, и начинает с этого времени высылать ему пенсион, примерно четыре тысячи рублей в год. А Софью Андреевну с родственниками селит пока в своем имении Пустынька под Санкт-Петербургом. Благородство души не купишь и сословно не обретишь. Очевидно дар Божий и правильное воспитание определили истинно гуманные поведенческие стереотипы графа в жизни и в литературе. Иного он себе и помыслить не мог. Он все более тяготится службой, даже, точнее, официальным своим статусом, они явно ему мешают, он по сути не придворный и не политик, граф не желает быть втянутым в распри «западников» или явных славянофилов, хоть последние ему несравненно ближе и роднее. И тем не менее он желает сохранять независимость и в жизни, и в литературе, говоря о себе: «Двух станом не боец, а только гость случайный...». Но вовсе не по случаю пишется помимо прочих (поэмы «Грешница» и «Дон Жуан») поэма «Иоанн Дамаскин», в коей нашла отражение и даже обоснование как раз житейская коллизия с отставкой от службы. Наконец-то можно поселиться в одном из имений (Погорельцы), откуда выезжать и за границу, вступить в Общество любителей российской словесности и заниматься литературным трудом, не зависимым, по мнению А. К. Толстого, от политических, пусть даже самых прогрессивных, идей и тенденций. А вне литературы? Вне литературы граф вместе с крестьянами в имении Красный Рог празднует в 1861 г. отмену крепостного права. Да, это частность, но весьма показательная, наглядная, это деталь характеристики Алексея Константиновича.

В самом начале января следующего года он наконец-то читает на собраниях у государыни — императрицы своего «Князя Серебряного». Чтения проходят с огромным успехом, автор удостоивается личного подарка государыни, а впоследствии книга будет рекомендована как образцовая для детского и юношеского чтения. Странно, что критикой роман почти не был замечен... Да, господа мои, очевидно критикам той

поры требовалось нечто более «соленое» или откровенно протестное, нигилистическое, либо еще какое-нибудь. А тут, собственно, чуть ли не верноподданический гимн. Остается лишь сожалеть, что предки наши в массе оказались столь близоруки и вообще ограничены. Читай они роман внимательно и с душой, возможно... Впрочем они и с Ф. М. Достоевским подчас аналогичным образом поступали, хаяли, не понимали... А потом, утратив монархию и предав самодержца, бегали, как настигаемые, якобы «спасая Россию»... Правда, справедливости ради, хотелось бы и А. М. Горького помянуть не добрым словом в связи с цитатой, приведенной в начале статьи, — где же он слащавость и лубочность обнаружил? Вчитайтесь в «Князя...», перед нами впечатляющее, масштабное, художественно-историческое произведение, исследующее очень непростые отношения гражданина и власти в период острейшего кризиса последней. Прекрасно показана противоречивая, психически не здоровая, жуткая порой, личность Иоанна IV Грозного в период Опричнины, когда царь, наверняка преследуемый кошмарами молодости, мстит родовитой аристократии за испытанные в отрочестве и юности ужасы, ведь в самом начале царствования малолетний царь стал по сути заложником борьбы боярских партий, свидетелем народных бунтов, когда страх смерти, да и сама смерть, были его ежедневными спутниками. Казалось бы и служить такому государю нет никакого смысла, ибо любого подстерегает опасность быть отравленным или казненным, после изощренных издевательств и пыток, безо всякого повода или из корысти тех же опричников, но...

Но были, есть и будут на Святой Руси люди чести и долга, люди совести и веры, для которых жизнь имеет смысл, ежели она может быть положена на алтарь Отечества, которые присягают один раз, а присягнув, не колеблясь следуют этой присяге, считая государя, каким бы он ни был, действительно помазанником Божьим, данным свыше народу, либо в поощрение, либо за грехи. Такие люди свято чтят любовь, и свою и чужую, но никогда не испачкают высокое чувство низменными страстишками и не пойдут ради удовлетворения оных на преступление. Именно таким и предстают перед нами князь Никита Романович Серебряный и боярин Дружина Андреевич Морозов с супругой Еленой Дмитриевной, бывшей возлюбленной князя. Это яркие антиподы опричников — Вяземского, Годунова, Скуратова, Басмановых, Грязнова... Тяжкие испытания уготованы главному герою и его близким, но себя они не уронят, против совести не пойдут, даже под страхом неминуемой смерти, но и присяге, и государю, и личным нравственным установкам не изменят.

Повторяю нарочно, я не могу понять и точно сказать, в каком страшном сне привиделась А. М. Горькому «лубочность и слащавость» на страницах романа, где царят любовь и смерть, где главные герои подвергаются гигантскому искушению сиюминутных вожделений, где так просто сломаться, пойти на поводу у собственной слабости, «утолив все свои печали», и перестать быть русским человеком своего времени, встав «на одну доску» с князьями Андреем Курбским или тем же Афанасием Вяземским. И совершенно не случайно поминается несколько раз в романе изменник и перебежчик Курбский, вроде бы никакого отношения к сюжету не имеющий. А. К. Толстой неявно, исподволь, подводит читателя к определенной критериальности, задавая вопросом, когда же русский человек таковым быть перестает? Однако же и прямого ответа вы не найдете, хоть все лежит на поверхности. Да, на первый взгляд, сюжет романа прост и даже незамысловат, но... но ведь и повседневность наша чаще всего не особенно вычурна и витиевата. Сложность ее не в «закрученности» фабулы, а в ежедневном морально-нравственном выборе, который мы должны совершать порой по самым, что ни на есть, мелочам. Но ведь в мелочах, как известно, и дьявол, и Бог. Кому как приведется. Афанасий Вяземский идет на поводу, да, собственно, он давным давно пошел на поводу у своих низменных желаний, а темная плотская страсть к Елене Дмитриевне лишь довершает картину его полного падения

и даже распада, как личности человеческой, и в результате некогда всемогущий опричник сей гибнет лютой смертью по воле государя. Та же участь постигает и Басмановых, совершенно утративших понятия чести и совести. А их антиподы — Никита Серебряный, Дружина Морозов, Елена Дмитриевна, пройдя сквозь «разрушительные» испытания, не утрачивают человеческих достоинств и цельности натуры, характера, сохранив верность человеческим устоям и Божьим заповедям. Даже если в итоге всех коллизий старый боярин гибнет на плахе, его супруга оказывается в монастыре, а молодой князь, неся пограничную службу, гибнет в очередном бою с татарами. Они прекрасно знают и кровно ощущают, что такое долг, честь и совесть. И кстати не они одни, всем читателям советую внимательнее приглядеться к персонажам из ватаги лихих людей, автор создал отличные образы народных характеров, это те, что тоже «творят историю», защищают Отчизну от врагов и осваивают новые земли, расширяя пределы государства Российского. Вообще в романе я не заметил «ходульных» действующих лиц, возможно, некая схема кое-где и присутствует, но на достоинства произведения она влияния почти не оказывает.

И вот именно поэтому так называемая «критика» и не сочла нужным «Князя Серебряного» заметить и отметить должным образом. И долгое, очень долгое время, о романе более упоминали, нежели читали и всерьез разбирали. Ну, понятно, либеральной интеллигенцией подобные произведения не принимались в принципе, помилуйте, никакой крамолы, никакой клубнички, «об чем же тут читать?». Этой братии свергнуть бы кого, поерничать над святынями, оппозицию затеять. Вот и дозатевались в итоге до государственных переворотов, а потом в эмиграции лицемерно вздыхали «об утраченном»... Впрочем, об этом в другой раз. Аз же, грешный, почитаю роман сей краеугольным камнем во всем творчестве графа Алексея Константиновича, и числом как откровенную и талантливую удачу. Эту книгу хочется время от времени перечитывать, что немаловажно, как ее характеристика. И совершенно не зря она была практически сразу же рекомендована юным читателям. Честность и верность во все времена непререкаемо почитаемы и достойны подражания.

Итак, роман написан, и в следующем, 1863 году, граф Толстой наконец-то, после двенадцати лет ожидания, венчается с Софьей Андреевной Миллер (Бахметьевой). Такое вот интересное совпадение, и у Алексея Константиновича, и у Льва Николаевича жены — Софьи Андреевны. Наверняка женитьба стала источником дополнительных творческих сил и А. К. Толстой приступает к созданию трилогии о последних Рюриковичах на престоле, ставшей, пожалуй, самым масштабным из его литературных свершений. И вновь, в июле 1864 года, первыми слушателями «Смерти Иоанна Грозного» становятся государыня императрица Мария Александровна и ее свита. Через два года трагедия печатается в «Отечественных записках» и еще через год с большим успехом ставится на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге. До 1870 года А. К. Толстой создает последующие произведения Трилогии: «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис». Современники считали трилогию главным успехом писателя, она принесла ему и международную известность, будучи практически сразу же переведена на немецкий язык. Следует заметить, что уже много позже, спустя почти четверть века после смерти автора, постановкой трагедии «Царь Федор Иоаннович» был в 1898 году открыт Московский художественный театр. Эту часть трилогии вообще почитают наиболее удачной, графу Толстому очень удался образ царя Федора, его психологический портрет человека не простого и неоднозначного, и отнюдь не слабоумного дурачка, как очень любили трактовать о нем даже некоторые солидные историки.

Квинтэссенция всей трилогии, на мой взгляд, в попытке автора наглядно продемонстрировать гибельность полярных воплощений монархической власти при отсутствии четкой программы действий у самого монарха. Ведь, казалось бы, Иоанн Гроз-

ный, борясь с родовой аристократией, должен был и стремился укреплять абсолютизм, что не могло не способствовать совершенствованию государственного устройства и управления, но на деле кровавые гекатомбы царя и опричников ни к чему хорошему не привели, здоровье государя, в том числе и психическое, было безнадежно подорвано, самобытные и честные служилые люди также очень часто подвергались репрессиям, а «оплот» престола составили карьеристы и приспособленцы, люди не лишённые дарований и личной храбрости, способные, при необходимости, проявить себя и на военном поприще, но... главным своим долгом посчитавшие сбережение своей драгоценной жизни любой ценой. Интересный факт, на Терском берегу, т.е. на побережье Кандалакшского залива, что в Мурманской области, в старинном поморском поселке Умба, бабушки до сих пор величают маленьких проказников, пацанов, басаргой, восклицая, мол, ах, вы, басарга этакая. Так вот, это прямая память об опричнине, ибо опричник Басарга Леонтьев со товарищи в свое время был послан Иоанном Грозным на Терский берег, дабы «вразумить» местных богатых рыбо- и солеторговцев, что и выполнил с пристрастием, оставив по себе соответствующую память. А в результате, как свидетельствуют последние исследования, и сам Грозный, и его старший сын Иван, коего отец ни в коем случае не убивал, вопреки известной картине И. Е. Репина, скончались в результате систематического отравления ртуть-содержащим ядом. Кто отравитель? Нетрудно догадаться, ближнее окружение, смертельно уставшее от постоянных репрессий и угрозы своим жизням. Понятно, что они были согласны на такого монарха, как Федор Иоаннович — мягкий и набожный человек, скорее всего лишенный талантов государственного деятеля и допустивший к управлению царством бывшего опричника и будущего узурпатора престола Бориса Годунова. А тот в свою очередь, при всех своих административных способностях и опыте дворцовых интриг, волей или неволей, но запятнавший себя кровью невинно убиенного царевича Дмитрия, ничего путного не свершил, по смерти своей ввергнув страну в жуткую многолетнюю смуту. Вот эту пагубу и стремится продемонстрировать А. К. Толстой, убежденный монархист, не равнодушный к судьбам трона и государства российского. Он романтик, при всей реалистичности своих взглядов, он словно верит, что может вовремя подсказать, например, государю императору, где, что и как нужно исправить в самодержавном устройстве, дабы впоследствии избежать потрясений и общественных катаклизмов, когда никакие внешнеполитические успехи не исключат и нисколько не купируют кризиса, если вообще не краха, политики внутренней.

Поэтому пристальный интерес А. К. Толстого к теме самодержавия, власти вообще, отношения власти и человека, далеко не случаен. Патриот-консерватор, человек острейшего ума и недюжинной наблюдательности, художник с богатейшим воображением, он не мог не понимать, что кризис монаршей власти так или иначе будет развиваться и шириться, благо исторических аналогий на эту тему хватало. А судьбы родины и народа так или иначе, но остро волновали графа Алексея Константиновича на протяжении всей его жизни. Конечно, романтический, в силу принадлежности к изящной словесности, склад характера накладывал свой отпечаток на эти переживания. Не зря же писатель открыто трактовал как идеальные властные институты Киевской Руси и Великого Новгорода. Но необходимо учитывать, что эти пристрастия касались определенного времени, а именно XI века, т.е. инерционной фазы этногенеза древнерусского этноса (по Л. Н. Гумилеву), когда «украсно украшенная русская земля» достигла гармоничного культурного расцвета, когда развивались ремесла, народное творчество, самобытная культура, велись летописи, закладывались основы славистики, что, впрочем, не исключало жесточайших междуусобных конфликтов, как например взятие и, жесточайшее, разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г., в отместку за отравление киевлянами его отца, Юрия Долго-

рукого, севшего вполне легитимно, по лествичному праву, на Золотой стол Киевский. Да и не остывающая кровавая борьба между киево — волынской и чернигово-северской группировками дорого стоила земле русской. (К слову, смоленский князь Рюрик Ростиславович в 1204 г. взял Киев «на копье» и отдал своей рати на разграбление не менее безжалостным и кровавым образом, совершив это по прямому наущению великого князя черниговского Игоря Святославича, героя бессмертного «Слова о полку Игореве»). Тем не менее, в поисках оптимального государственного устройства с неизменным сохранением самодержавия, графу Толстому необходимо было отчего-то отталкиваться. Оттого он взял за образец древнерусские властные модели. Это ли не романтика мышления и искреннего заблуждения? Ведь идеализированные политические и общественные институты той далекой поры ничего общего с историческими реалиями былых времен не имеют. Например, Великий Новгород «пламенно» стремился стать партнером германских городов Ганзейского торгового союза гораздо более, чем войти в состав объединенного государства Российского, а старания «завести дружбу» с Западом и папским престолом незаслуженно прославленного советской исторической романистикой Даниила Галицкого привели через столетие (в середине XIV в.) к польской оккупации Червонной Руси, т.е. Волыни и Галицкой земли в период правления короля Казимира Великого.

Очевидно, что писателя и гражданина не устраивали ни либеральная идеология, ни тем более нигилистические «изыски», ни всяческие «...измы», поскольку в них он не видел ни намека на какой бы то ни было конструктив по отношению к проблемам власти и соотношения гражданских свобод и государственных интересов. Оттого-то и рождалась язвительная сатира, оттого и острилось перо «Историей государства Российского от Гостомысла до Тимашева», «Сном Попова», «Порой веселой мая», отповедями пустозвонным оппозиционерам, коим в кои-то веки даровано было право трещать на всех углах фрондерскую чушь и хаять власть, якобы за «слабость». Вот ведь странная штука такая, так называемая оппозиция, в том числе и не системная, махрово расцветает при малейшем послаблении и нагло обвиняет власть, сие послабление даровавшую, в неспособности к управлению государством, и начинает нагло и почти открыто расшатывать устои государства всеми возможными и невозможными способами. Похожая ситуация и сложилась в Российской империи к началу 70-х годов XIX века, чего не замечать граф А. К. Толстой не мог. Без всякого преувеличения писатель-государственник, столбовой дворянин, человек, близкий к государю-императору, статский советник, кавалер ордена Святого Станислава II степени, не последний помещик в империи, ох, как он был не похож на дворянчиков следующего поколения, распятых безжалостно А. П. Чеховым! Однажды на вопрос Александра II, мол, что делается нынче в русской литературе, граф Толстой, не чинясь, ответил: — Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского.

Благородно, ничего иного не скажешь. При том, что в обратном благородстве я не был бы столь же уверен, перевернись ситуация с точностью до наоборот. Однако же по отношению к поэту, к литератору вообще, и сегодня не очень-то принято благородное или даже уважительное отношение. Ну, что там чиниться, господа, эка невидаль — сочинитель. К великому сожалению, в истории остались свидетельства того, что даже «муза» Алексея Константиновича, его супруга Софья Андреевна, когда ей порядком наскучила первоначальная семейная идиллия, открыто заявляла мужу, что считает того же И. С. Тургенева более крупным писателем, избрав основным аргументом возражения в возникающих то и дело пикировках и спорах фразу: «Какую ерунду ты говоришь, Толстой!» Я не собираюсь огульно в чем-либо обвинять эту женщину, которую А. К. Толстой очень любил и очень жалел, считая, что ей в жизни смолоду крепко «досталось», но факты остаются фактами. Сложный характер был у «музы» Софьи Андреевны, дамы весьма умной, сообразительной и активной, уже по смерти мужа открывшей в Петербурге литературный салон, пытавшейся оказывать

знаки благосклонности Ф. М. Достоевскому, впоследствии много путешествовавшей и скончавшейся в Лиссабоне в 1895 г. Порой она попросту не скрывала, что супруг ее раздражает, что ей скучно то в имении, то в Европе. Скучно и все тут. Подобные отношения никому не прибавят оптимизма и позитива, а графа Алексея Константиновича они весьма и весьма удручали, особенно на фоне ухудшавшегося здоровья, что вынуждало его часто выезжать за границу для лечения прогрессирующей астмы и учащающихся невыносимых головных болей, как утверждалось, невралгического характера, избавляться от которых врачи предписали с помощью морфия.

Работать становилось все труднее, но примечательно, что последним масштабным произведением писателя стала драма «Посадник», из истории Новгородской «республики». В письме К. Сайн-Витгенштейн А. К. Толстой говорит, что «...сюжет не исторический, а лишь взят из нравов того времени и того города...», оно и понятно, ведь тогда возможности автора шире и богаче. Значит можно создавать желаемое, как действительное, ибо такая фантазия направлена во благо, наглядно демонстрируя, что и как можно «устраивать» для процветания Отечества. Избранная тема не оставляла стойкого имперского патриота, подспудно силящегося найти некие рецепты «оздоровления» монаршей власти даже в истории торговой республики. А ведь не столь уж многие мыслили подобным образом, не столь уж многих в то время уже всерьез волновали судьбы монархии, несмотря на то, что выстрел Д. Каракозова возвестил о начале эпохи политического террора, приведшего к чудовищной гибели государя императора Александра II Освободителя и получившего дьявольски зловещее продолжение в начале двадцатого века. Истинного патриота Ф. И. Тютчева не стало в 1870-м году, еще жили и творили Ф. М. Достоевский, да, пожалуй, А. Н. Майков... И граф Толстой наверняка остро и болезненно ощущал свое практически одиночество в оценке грядущих времен. В последние годы жизни Алексей Константинович вновь обратился к поэтическому творчеству, не изменив, впрочем, исторической его направленности. Он пишет много баллад и былин, не стилизаций, а вполне самобытных, со своей трактовкой, стилистикой, лексикой. И то сказать, знакомство с творчеством А. К. Толстого для меня, в частности, и началось в далеких семидесятых годах прошлого века с баллады об Илье Муромце, которая одна и была приведена в школьном учебнике литературы для пятого или шестого класса. Навсегда врезались в память строки:

*Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья...*

Сюжеты баллад разнообразны и в значительной степени вполне историчны, конечно же не без художественной идеализации, как, например, «Роман Галицкий», где отец Даниила, князь Роман Мстиславич, представлен ярким ревнителем независимости Червонной Руси, дающим отповедь папскому легату, предлагающему ему королевскую корону. На деле князь Роман, действительно отвергнув папские посулы королевского титула (от которого впоследствии не отказался его сын, уже упомянутый князь Даниил), предпочел воевать за интересы гибеллинов, противников святого престола и сторонников германских императоров, и погиб в Польше, в схватке с князьями Лешком и Конрадом. Но ведь автора интересует лишь отповедь галицкого князя посланнику Рима, склоняющего русского владетеля по сути в предательству Родины. Императив верности родной земле, рдения о ее благе, ясен, он прослеживается, пожалуй, в большинстве поэтических произведений А. К. Толстого, от сказочных («Садко», «Змей Тугарин», «Алеша Попович») до вполне реалистичных («Песня о походе Владимира на Корсунь»).

Если художник обладает собственной, отличной от прочих позицией в жизни и в

творчестве, он рискует остаться в одиночестве, и быть порицаемым и властью, и оппозицией. Ведь «верноподданность» в буквальном смысле художнику не будет свойственна, этому мешает известная широта и свобода взглядов творческого человека, его душевные метания и постоянный творческий поиск. Вот и А. К. Толстой в письме А. Губернатису (итальянский драматург, лингвист, историк литературы, прим. В. Т.) пишет примерно о том же: «Резюмируя свое положение в нашей литературе, могу сказать не без удовольствия, что представляю собой пугало для наших демократов-социалистов и в то же время являюсь любимцем народа, покровителем которого они себя считают. Любопытен, кроме всего прочего, тот факт, что, в то время, как журналы клеймят меня именем ретрограда, власти считают меня революционером». Кроме прочего, доставалось Алексею Константиновичу от коллег-литераторов и за его утверждение, что «...назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды... Наша печать почти целиком находится в руках теоретиков — социалистов, поэтому я являюсь мишенью для грубых нападок со стороны многочисленной клики, у которой свои лозунги и свой заранее составленный проскрипционный список. Читающая же публика, наоборот, высказывает мне несомненное расположение».

Вот так. Тридцать пять лет в литературе, издано полное собрание сочинений, «Князь Серебряный» выдержал три издания, «...его очень любят в России, особенно представители низших классов...», роман переведен на пять иностранных языков, вторая и третья части самобытнейшей Трилогии запрещены к постановке на сцене сразу после появления в печати... живет своей жизнью и будет еще очень долго жить Козьма Прутков... вся страна поет «Колокольчики мои...», а «Средь шумного бала...» на музыку П. И. Чайковского вошел в золотой фонд русского романса, на стихи А. К. Толстого также пишут романсы Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, С. И. Танеев, а еще есть баллады и былинные стихотворения, где в каждой строке ощущается дыхание родной земли, неподдельная любовь автора к России и его стремление помочь Отечеству длить свои годы незыблемым, мощным и величественным. И вполне заслуженно Алексей Константинович избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. И никакой слащавости, никакого лубка... есть мастерское художественное слово, и великолепные произведения, пронизанные общей идеей, связанные одним лейтмотивом. И остается лишь искренне сожалеть о преждевременном уходе талантливого русского литератора из жизни, в следствии принятия им слишком большой дозы морфия с целью избавления от приступа сильнейшей головной боли. Стояла осень 1875 года, Российская империя, окончательно справившись с последствиями Крымской войны, вновь обрела мощь и все было вновь впереди, и великие победы, и величайшие трагедии, и кровь, и смерть, и крах монархии, от которого так стремился уберечь Родину последний имперский романтик граф А. К. Толстой.

*Вадимир Трусов,
г. Мончегорск Мурманской области.*

